

Нин Синчжи выдал тираду, от которой все в гарнизоне остолбенели, и даже Цзи Сю, только что громче всех возмущавшийся, тут же захлопнул рот.

Лицо Ся Фэйгуана поочередно покрывалось то синевой, то бледностью, и он какое-то время не мог вымолвить ни слова.

Но Нин Синчжи не собирался давать ему шанс на оправдания. Взяв из рук стоявшего рядом солдата тяжелую палку, он направился к Ся Фэйгуану:

— Плохо следишь за подчиненными, попираешь воинскую дисциплину — разве тридцать палок не будут заслуженным наказанием?

Лицо Ся Фэйгуана резко изменилось. Ему и без того было тошно от того, что какой-то сопливый мальчишка отобрал у него должность генерала, а теперь тот собрался лишить его лица на глазах у всего гарнизона?

— Да как ты смеешь! — Ся Фэйгуан яростно уставился на Нин Синчжи.

Его дед был одним из сподвижников-основателей династии, старым сановником, служившим трём императорам, и получил титул графа Уань лично из рук императора Гаоцзу. Мало того, что старик был учителем боевых искусств покойного императора, он некогда преподавал военное искусство и самому нынешнему государю. И хотя дед уже скончался, его грозный авторитет все еще давал о себе знать, а семья Ся всегда ходила по Сицзину с высоко поднятой головой. С каких это пор сынишка какого-то цзедуши стал указывать ему, как жить?

— Я — генерал, а подчиненные совершают проступки. Если я буду закрывать на это глаза, где тогда останется воинская дисциплина? Где будет боевой дух? — голос Нин Синчжи звучал спокойно, но каждое слово падало, как камень.

— Да ты всего лишь изнеженный фаворит, ублажающий чужие постели! С чего ты взял, что имеешь право поучать моего деда?! — Ся Фэйгуан выхватил у стоявшего рядом стражника длинный меч и бросился на Нин Синчжи.

Нин Синчжи даже бровью не повел. Он подцепил ногой стоявшую рядом скамью для допросов и со всего маху пнул ее в сторону Ся Фэйгуана. Тот даже приблизиться не успел: от резкой боли в колене его ноги подогнулись, и он плашмя рухнул прямо на скамью.

Легким движением палки Нин Синчжи выбил меч из его запястья, затем наступил ему на спину и тяжело опустил палку вниз. По гарнизону тут же разнесся пронзительный вопль Ся Фэйгуана.

Прежний генерал гарнизона был человеком благородной наложницы и привел с собой собственную шайку приближенных, а Ся Фэйгуан, будучи бездарностью, привык творить бесчинства, прикрываясь связями семьи. Для юношей, служивших в гарнизоне, это было

первое в жизни столь зрелищное представление.

Глядя на то, как задница Ся Фэйгуана превращается в кровавое месиво, каждый из них невольно почувствовал, как у него самого на спине зашевелилась кожа.

Вскоре до графа Уаня дошли слухи, что его сына избили, и он тут же примчался с людьми в гарнизон, требуя, чтобы Нин Синчжи немедленно вышел к нему.

— Кто сегодня стоял в карауле у ворот? — с холодным лицом Нин Синчжи обвел взглядом присутствующих стражников, и спустя мгновение из строя вышли пять человек.

Известие о том, что Ся Фэйгуана избили, мгновенно долетело до его отца, графа Уаня.

Нин Синчжи продолжил:

— Вы шестеро заступили на дежурство, так как же вы позволили посторонним беспрепятственно ворваться в гарнизон?

Граф Уань изначально шел сюда, чтобы выпустить пар, но он никак не ожидал, что Нин Синчжи посмеет проигнорировать даже его авторитет, да еще и этот глупый щенок из семьи Ханьго-гуна вдруг станет так беспрекословно подчиняться Нин Синчжи.

Более того, из-за того что Ся Фэйгуан скверно управлял подчиненными, хотя смена караула и была расписана, обычно в гарнизоне все просто попусту тратили время, и мало кто действительно стоял у главных ворот.

Да и к тому же, даже если бы они стояли у входа, у них бы духу не хватило преградить путь графу Уаню.

— Взять нарушителей, ворвавшихся в гарнизон! — Нин Синчжи указал на графа Уаня.

Тем временем Цзи Сю пробирало ледяным холодом от одного только взгляда Нин Синчжи. Он молча переступил с ноги на ногу и со страхом уставился на командира.

Стоило Нин Синчжи умолкнуть, как все взгляды устремились на Цзи Сю.

Нин Синчжи глубоко вздохнул. Он никак не ожидал, что порядки влевой страже Фэнчэнь дошли до такого абсурда: среди бела дня в гарнизон врываются словно к себе домой.

Цзи Сю вздрогнул всем телом и тут же послушно принялся за тренировки. Нин Синчжи ведь и впрямь мог распустить руки, а у него самого кожа нежная, разве вытерпит такое?

Видя, что никто не двигается, Нин Синчжи добавил:

— Нарушителям приказа — пятьдесят палок!

Пятидесятипалочный удар был быстро завершен. Нин Синчжи бросил палку и посмотрел на обступивших его юношей:

— Пусть двое проводят дучжунцзяна Ся в его комнату и отправятся за лекарем.

С этими словами он перевел взгляд на Цзи Сю.

— А еще один?

Цзи Сю, впервые участвовавший в подобном деле, чувствовал, как в жилах закипает кровь. Он уже собирался вести остальных задерживать тех молодчиков, но, перехватив взгляд Нин Синчжи, молча вернулся к воротам и встал на посту.

Нин Синчжи бросил взгляд на валявшихся на земле подручных и произнес:

— С этими разобраться по законам военного времени. Остальные — возвращайтесь к своим обязанностям.

Те сразу притихли. Хотя они и должны были дежурить у ворот, но знали, что сегодня прибудет Нин Синчжи, и Ся Фэйгуан нарочно собрал их всех здесь, чтобы устроить новому командиру показательную порку. Кто же знал, что вместо этого Нин Синчжи сам продемонстрирует им железный характер.

Остальные побоялись послушаться, а вот Цзи Сю — нет. Тридцать ударов, полученных Ся Фэйгуаном, едва не лишили того половины жизни, а пятьдесят палок он сам точно не выдержит, поэтому Цзи Сю вскинул меч и заорал:

— Братья, в атаку! Если что случится, мой дед за всё ответит!

Стоило прозвучать этому приказу, как по всему гарнизону прокатился ропот.

Юноши из гарнизона еще не были испорчены чиновничьей рутинной и в большинстве своем четко разделяли добро и зло. И хотя они слышали разные слухи о Нин Синчжи, сегодняшние молниеносные и жесткие меры командира за утро успели полностью подавить их прежний скептицизм. Теперь в их глазах не осталось места былому презрению — лишь искреннее благоговение перед силой.

Разобравшись с делами, Нин Синчжи вернулся в главный зал и принялся за изучение военных документов. Не прошло и минуты, как в комнату влетел запыхавшийся Цзи Сю:

— Генерал, из дворца посланцы! Наверное, этот старый мерзавец Ся Лю побежал жаловаться!

Услышав о посланцах из дворца, Нин Синчжи с силой сжал в руке служебную бумагу, поднялся на ноги и бросил:

— Пойдем взглянем.

Выйдя наружу, Нин Синчжи с удивлением увидел Ван Сяошуня.

Стоило тому завидеть Нин Синчжи, как у него покраснели глаза, но, помня наставления наставника, он послушно доложил:

— Генерал Нин, у императора есть воля к вам: Его Величество просит вас во дворцы.

— Хорошо.

Цзи Сю тут же подскочил:

— Я с тобой!

Ван Сяошунь покачал головой:

— Император вызывал только генерала Нина.

— Это ведь старый пес Ся Лю побежал жаловаться, да? — не унимался Цзи Сю.

Ван Сяошунь бросил взгляд на Нин Синчжи, а затем на Цзи Сю, заменяя ответ молчанием.

Цзи Сю, уже безоговорочно записавший себя в главные сторонники Нин Синчжи, торжественно пообещал:

— Генерал, не переживайте, я вас выручу!

И с этими словами умчался прочь.

Нин Синчжи лишь покачал головой, не приняв слова Цзи Сю всерьез, и сказал Ван Сяошуню:

— Пошли.

Стоило им покинуть гарнизон и избавиться от сотен следивших за ними глаз, как Ван Сяошунь больше не смог сдерживаться:

— Молодой господин, граф Уань отправился к императору с жалобой. Он говорит, что... что вы избили его, боюсь, просто так это не закончится.

Нин Синчжи успокаивающе похлопал Ван Сяошуня по плечу:

— Не переживай, все будет хорошо.

Если Нин Синчжи решился наказать обидчиков, значит, он был готов нести ответственность за последствия. К тому же семейка графа Уаня только и делала, что бесчинствовала в столице, притесняя мужчин и отнимая женщин. Но поскольку муж сестры графа перешел на сторону наложницы и ее брата, покойный император закрывал глаза на их злодеяния. Не Сюань же давным-давно точил на них зуб, и раз уж Нин Синчжи сам преподнес ему такой повод, разве упустит Не Сюань возможность воспользоваться им?

Едва они добрались до входа в Зал Цзычэнь, до их слуха донеслись прерывающиеся всхлипывания и жалобы.

После того как Ван Сяошунь доложил об их прибытии, изнутри донесся ледяной голос Не Сюаня:

— Войти.

Нин Синчжи сжал кулаки, унимая волнение перед встречей с Не Сюанем, и шагнул вслед за Ван Сяошунем. Переступив порог, он сразу увидел сидевшего сбоку графа Уаня, выглядевшего так, будто с него сошла вся жизнь.

Отозвав взгляд, Нин Синчжи почтительно поклонился Не Сюаню.

Не Сюань не спешил разрешать ему подняться. Его взгляд скользнул по фигуре Нин Синчжи: за те несколько дней, что они не виделись, тот заметно посвежел — судя по всему, жилось ему здесь весьма вольготно.

Не Сюань подался вперед и с мрачным видом произвел допрос:

— Это ты избил графа Уаня?

Нин Синчжи опустил глаза, но спину держал прямо:

— Ваш подданный наказал лишь преступника, посмевшего силой ворваться в гарнизон.

Граф Уань никак не ожидал, что Нин Синчжи осмелится нести такую чушь прямо перед лицом Сына Неба. Он вскинулся:

— Ты еще смеешь утверждать, будто сам не отдавал приказ?!

Нин Синчжи повернулся к нему:

— Я уже сказал: я наказал преступника, посмевшего силой ворваться в гарнизон. Разве граф — и есть тот самый преступник?

Глаза графа Уаня полезли на лоб:

— Ты устроил показательную расправу над моим сыном, да еще и смеешь оскорблять меня! Какая наглость!

Наблюдая за тем, как остро и язвительно Нин Синчжи парирует выпады, не выказывая ни малейшего страха перед чужими наговорами и подавляя собеседника своей уверенностью, Не Сюань почувствовал лишь еще большее раздражение. Окинув графа Уаня взглядом, он откинулся на спинку трона и поинтересовался:

— И чего же граф Уань хочет взамен, чтобы это дело было исчерпано?

Стоило Не Сюаню встать на его сторону, как граф Уань тут же задрал нос и заявил:

— Нин Синчжи избил моего сына пятьюдесятью палками да еще и покалечил меня, старика! Разве не будет справедливым присудить ему шестьдесят ударов тяжелыми палками?!

— А что по этому поводу думает цзиньши Нин? — с усмешкой посмотрел на него Не Сюань.

Нин Синчжи наконец поднял взгляд на Не Сюаня. Уголки губ императора были приподняты, но в глазах не было ни капли веселья — Нин Синчжи прекрасно понимал, что все это лишь месть со стороны Не Сюаня. Он опустился на колени и прижался лбом к холодному полу:

— На все воля Вашего Величества.

— Хорошо! — Не Сюань уже собирался отдать приказ, как из-за дверей раздался голос Ван Фуси:

— Ваше Величество, к вам просит аудиенции Ханьго-гун.

Не Сюань снова откинулся на спинку трона:

— Впустить.

Широким шагом в зал вошел седовласый старец с пышущим здоровьем лицом, а следом за ним семенил Цзи Сю.

— Старый подданный приветствует Вашего Величества, — Ханьго-гун отвесил глубокий поклон, и Цзи Сю тут же послушно опустился на колени рядом с ним.

Не Сюань произнес:

— Кун-гун, не нужно церемоний, — и бросил Ван Фуси: — Подать стул.

Поднявшись на ноги, Ханьго-гун взмахнул рукой:

— Старику не нужно сидеть. Я явился сюда с просьбой к Вашему Величеству.

— Какая же? — приподнял бровь Не Сюань.

Ханьго-гун искоса глянул на стоявшего рядом графа Уаня и выпалил:

— Ся Фэйгуан скверно управлял гарнизоном и плевать хотел на воинские законы — молодой генерал Нин поступил абсолютно верно! А граф Уань посмел самовольно ворваться на территорию стражи и попать законы — молодой генерал Нин наказал его прекрасно! Прошу Вашего Величества проявить милосердие и не наказывать генерала Нина.

Ханьго-гун всегда славился прямоотой и честностью характера. Не вынося засилья продажных чиновников при дворе, год назад он подал в отставку и с тех пор жил уединенно, не вмешиваясь в государственные дела. И вот теперь он явился лично просить за Нин Синчжи.

Не Сюань молча сжал губы и перевел взгляд на Цзи Сю, который, выпятив грудь и исподлобья глядя на графа Уаня, пытался казаться грозным за спиной деда.

Отводя взгляд от Цзи Сю, Не Сюань посмотрел на графа Уаня, и лицо его помрачнело:

— Граф Уань, все так и было?

Не дожидаясь ответа графа, Цзи Сю тут же вставил:

— Я служу стражником влевой страже Фэнчэнь и подтверждаю: все чистая правда, я там даже толком потренироваться не успел!

Не Сюань нахмурился. Ханьго-гун же сокрушенно покачал головой и отвесил внуку увесистый подзатыльник:

— Император изволит говорить, как ты смеешь вступать?!

Цзи Сю обиженно захлопнул рот.

Заметив, что все взгляды вновь сошлись на нем, граф Уань мешком осел на пол.

Лицо его побелело, и хотя стояла жара, по нему градом катился холодный пот:

— Ва-Ваше Величество, Фэйгуан — единственный сын в семье Ся, а Н-Нин Синчжи избил его едва ли не до полусмерти, это же...

— Единственный сын в семье Ся, поистине драгоценное чадо, — с холодной усмешкой промолвил Не Сюань, в голосе которого не осталось ни капли тепла. — Раз так, ступайте домой и как следует позаботьтесь о его здоровье.

Лицо графа Уаня исказилось:

— Ваше Величество, подданный не это имел в виду, Фэйгуан же...

Не Сюань больше не желал его слушать:

— Стража, выпроводить графа Уаня из дворца.

Граф Уань рухнул на колени. Он рассчитывал надавить на Нин Синчжи и выжить того с поста генерала, чтобы расчистить местечко для собственного сына, но он никак не ожидал, что нынешний император — вовсе не тот беспутный правитель, каким был прежний, и уж точно не позволит себя обмануть.

Все его привычные приемы времен прошлого правления больше не работали: мало того, что он не смог выместить злобу, так еще и собственного сына втянул в беду.

Увидев, что дело улажено, Ханьго-гун попросил дозволения удалиться.

Уходя вслед за дедом, Цзи Сю украдкой продолжал строить Нин Синчжи глаза, пытаясь дать понять, что подождет его снаружи, но Нин Синчжи от начала до конца смотрел лишь в пол, не удостоив его ни единым взглядом. Тем не менее каждое движение юноши не ускользнуло от глаз Не Сюаня, отчего лицо императора стало еще темнее.

<http://bllate.org/book/22060/2293774>